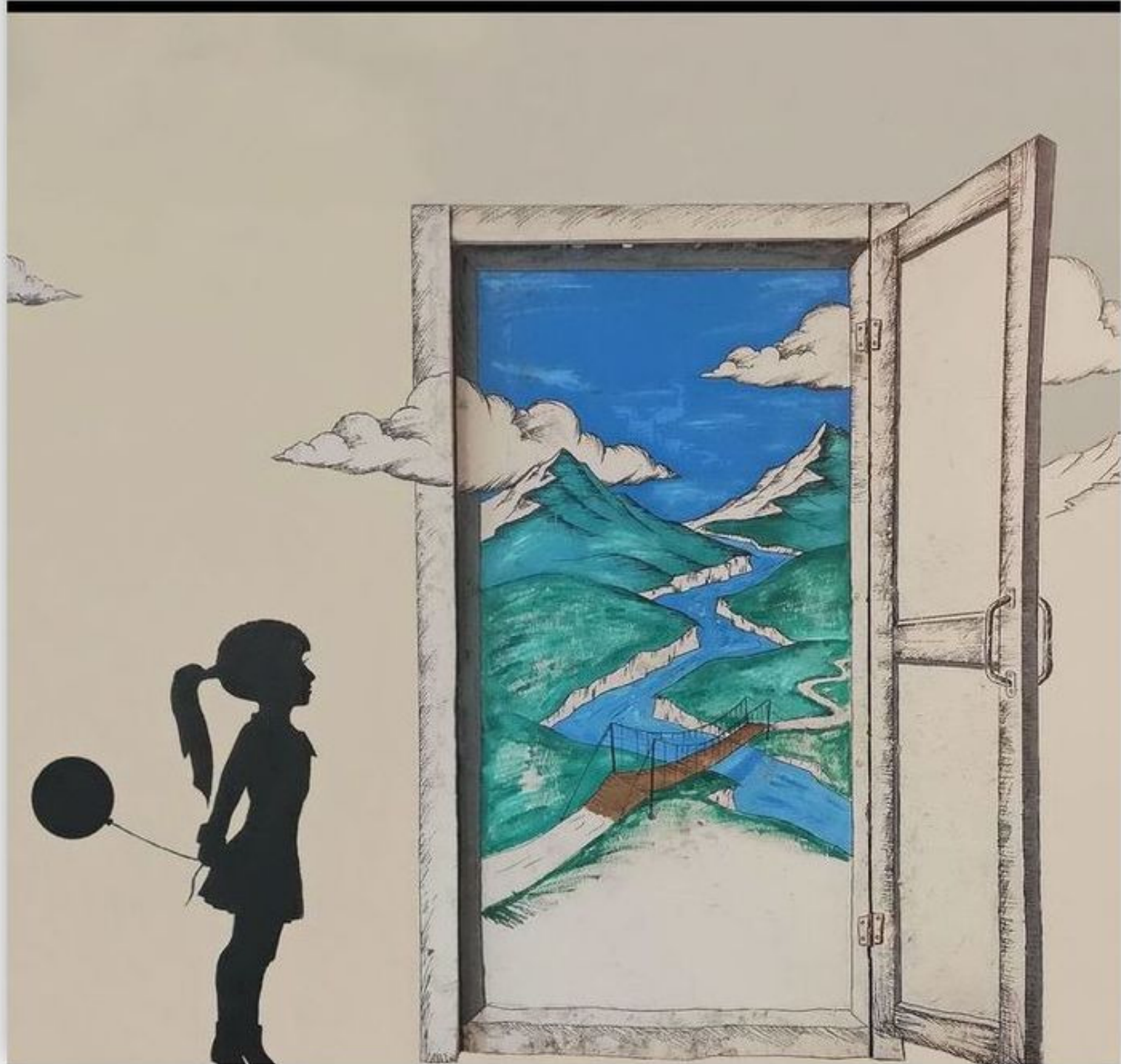

18+

СЕРГЕЙ ГУЛЕВИЧ

Двери в лето

Сергей Гулевич

Двери в лето

«Издательские решения»

Гулевич С.

Двери в лето / С. Гулевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518237-1

В этой книге собраны мои впечатления и эмоции от Крыма и Грузии. Оба региона стали родными и близкими, и сейчас, когда границы закрыты из-за эпидемии, остается только вспоминать, как это было. И надеяться, что следующим летом получится вырваться.

ISBN 978-5-00-518237-1

© Гулевич С.
© Издательские решения

Содержание

Крымские истории	6
Сказка про дракона	6
Мой Коктебель	8
Май в Крыму	10
Ветер Киммерии	12
Ветер странствий	14
Крылья	15
Танцы со звездами	17
Утро в Тихой бухте	20
Опук	22
Каралары	24
Лунная дорога	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Двери в лето

Сергей Гулевич

© Сергей Гулевич, 2020

ISBN 978-5-0051-8237-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Крымские истории

Сказка про дракона

Далеко-далеко, где море встречается с небом, спал Дракон.

Он был чудовищно могуч и стар, ведь, по сути, он и был чудовищем, из тех времен, когда мир не принадлежал людям. Тогда Дракон властвовал над окружающими землями. Когда он расправлял крылья, сотканные из дыма и огня, мир накрывала тень, а от его рыка горы рассыпались прахом.

Он не плевался пошло огнем, как сказочные драконы, он сам был огненной стихией, скатываясь неудержимой волной пламени вниз по горным склонам, присваивая себе жизни и обращая в пепел все живое на дни пути вокруг. Щедро засеивая землю огнем и пеплом, из которого потом рождалась новая жизнь.

Прошли века, Дракон все реже поднимался в небо, и все больше дремал у моря. Его дети, встав на крыло, улетели к звездам искать свой дом. Дракон все реже просыпался, глубже и глубже уходя в лабиринты сновидений, ища там свою молодость.

Постепенно в долинах окружающих лежбище Дракона появились люди, они пахали, сеяли, растили детей. И боязливо косились в сторону черной громады у моря, рассказывая другу другу по вечерам, мрачные и таинственные истории о своем соседе. Так пролетали века, Дракон не обращал внимания на людей, люди жили своей жизнью.

Пока однажды в поселке не появился Поэт. В начале, он просто вживался, ходил по холмам, бродил по лесу, давно выросшему на спине Дракона, пил воду из родников, валялся на пляже у дома, шокируя местных жителей отсутствием одежды.

И однажды случилось то, что должно было, случится рано или поздно. В сердце Поэта проснулся драконий огонь, и оно изменило свой ритм. Он смотрел на окружающие горы и не мог насмотреться, он раз за разом уходил в холмы и не мог остановиться. Драконий огонь в сердце водил его кистью и пером, рождая картины и стихи.

Частички огня, пропитавшие стихи и картины попадали в души гостей Поэта, и они начинали видеть красоту рыжих холмов, бесконечного неба, игру цветов Хамелеона. И возвращались раз за разом назад, потому что разлука с драконьими землями становилась мучительной. А по возвращении, драконье пламя в душе разгоралось пожаром.

Время шло и Поэт ушел за грань...

Поселок рос, и в него приезжали друзья Поэта, потом друзья друзей, потом просто люди желающие отдохнуть у моря. Некоторые не видели ничего обычного, и, отдохнув, счастливые уезжали домой. Но некоторые возвращались, и опять и опять. И в их душе горело драконье пламя.

Однажды проснувшись, Дракон понял, что он больше не одинок. Вокруг кипело и переливалось драконье пламя в душах людей.

Мой Коктебель

Мой Коктебель спрятан за спинами холмов и гор, прикрыт степным ветром, защищен от дурного взора океанами ковыль травы. В него сложно попасть, а тем, кто пришел, практически невозможно уйти навсегда. Он входит в плоть и кровь, и навеки меняет душу пришедшего. Он грезит о прошлом и живет мыслями и будущем. В нем легко уживаются призраки прошлого и зарождающиеся легенды современности. Он приходит в голубых сумерках, когда солнце уходит за Карадаг, щедрыми мазками раскрашивая в розовые тона небо. И исчезает на рассвете.

Мой Коктебель пропитан запахами от мангалов, выхлопными газами машин, вонью речек говнотечек. Он гремит какофонией моторов, криков зазывал, убогим тымц тымц от дискотек. Он прорастает коростой уродливых бетонных коробок на набережной, и новыми точками обцепита. И степной ветер стесняется расправлять здесь крылья.

Мой Коктебель бесконечно прекрасен! Своими улочками, ведущими к домам друзей, вечерней музыкой на набережной, рассветными мазками на воде и туше Карадага. Своими холмами, поросшими ярко зеленой травой в мае, быстро рыжеющей под лучами солнца. С Хамаleoшей играючи изменяющим цвета своей шкуры для собственного удовольствия. По нему можно бродить просто так, хотя он весь исхожен вдоль и поперек, и это занятие никогда не надоедает. Можно просто сидеть вечером на пирсе, прихлебывая мадеру. Да, да прямо из горлышка. Не особо нуждаясь в дополнительных удовольствиях. Можно зайти к Гуле, на замечательные домашние концерты, чтобы потом подняться на Тепсень, и послушать дыхание звезд. Можно закинуть рюкзак за плечи, с едой и водой, и уйти через Тихую в Орджо. Купаясь в диких бухтах, в чистой воде, оставив одежду беспорядочно валяться на камнях. А потом лежа на берегу, всем телом впитывать солнечные лучи. Можно встать на рассвете, чтобы услышать свирель Пана, и с разгону разбить зеркало воды всем телом. А потом пить кофе, сваренный на костре и любоваться морем. Можно взять пенку и спальник и уйти в ночь

к Сюрю-Кая, долго смотреть в глаза звездам. А утром проснуться от шумного дыхания лошадей, с удивлением рассматривающего чужака. Умыться росой и пойти вниз.

Мой Коктебель пилят, делят и убивают. Предлагают реконструкции, инновации и больше, еще больше гостиниц! Застраивают Тихую заборчиками, грезят о гольф-клубах, подсчитывают будущие выгоды. Они не видят что Коктебель не про это. Коктебель не звучит перебором гитарных струн в эпоху бабла.

Мой Коктебель уходит на окраины, прячется в дымке голубых холмов, горит неугасимым огнем в сердцах своих детей. И продолжает жить! Пока на подзаборную выставку приносят картины и приходят равнодушные, пока на набережной и в сквере играют музыканты, а поэты щедро делятся своим вдохновением, пока Гена раскручивает свое колесо, пока на Грина 7 звучит смех и музыка, пока вопреки всему в Коктебель приезжают в десятый и сотый раз, пока на поселок падает тень Карадага, он будет жить! И оставаться самим собой.

Мой Коктебель приходит ко мне каждую ночь, легко сдувая нудные сны и тени кошмаров. Он целиком заполняет собой мои сны, ведет по своим улочкам к морю, а потом через виноградники к Коклюку. А поутру в глазах горит огонь и жизнь не так уж плоха. Он зовет меня под светом Луны, я начинаю задумчиво перебирать рюкзак, в котором уже лежат котелок, кружка кукса, нож, растоптанные кроссовки, фляжка под родниковую воду, пачка табака и трубка.

Май в Крыму

Двенадцать месяцев в году,
Двенадцать, так и знай!
Но веселее всех в году
Веселый месяц май.
(Из легенд о Робин Гуде).

Однажды, рано утром, сонно сидя на кухне под бубнящим телевизором за кружкой исходящего паром черного чая или кофе, ты ненароком поворачиваешься к окну и теряешься во времени и пространстве.

И как-то забываешь о том, что впереди ждет рабочий день, забываешь о проблемах и заботах. Тебя полностью поглощает спящая синева неба с облаками, летящими так высоко, что смотреть страшно, и оттого вдвойне восхитительно.

А из открытой фрамуги тянет свежим, пока еще не забитым выхлопными газами, потрясающе вкусным воздухом, который в этот рассветный час буквально звенит от свежести и кружит голову, как молодое вино, а надыхаться им невозможно. И широченная улыбка сама собой появляется на лице, зажигая огонь в глазах.

Поздравь себя! Май пришел!

Но, постепенно, с каждым утром, эйфорию в душе сменяет томление, переходящее в тоску.

Ведь ты буквально видишь, как прямо сейчас, далеко в Крыму, Хамелеоша натягивает зеленую шкуру, греясь под солнцем.

А набережная вскипает облаками цветов, самых разных форм и оттенков, и соленый морской воздух наполняется буйством их ароматов. И бескрайние степи Восточного Крыма тоже щедро раскрашиваются цветами полевыми, за день-два превращающими скучный пейзаж в роскошное полотно.

И вот однажды оказывается, что рюкзаки-чемоданы собраны, в багажнике «гольфа» лежат палатка со спальниками и гремит складной мангал, а Лучшая из женщин уже выбила на работе 14 дней отпуска.

Как-бы сам собой закончился ремонт железного коника, и подвеска пересыпана, и масло заменено.

Становится реальностью тот прекрасный вечер, когда лучи заходящего солнца падают на бетон трассы м1, мотор поет, а белорусские пейзажи откатываются назад.

Следом за вечером в свои права вступает ночь, вешая на черную простыню неба светильник луны, который послушно плывёт вслед за нами, освещая стада небесных овец-облаков.

С рассветом леса сменяют расстилающиеся до горизонта степи, появляются глубокие балки, залитые по утрам молочными лужами тумана. Ростов-на-Дону, Кушевская и другие станицы, короткая ночевка в Тимашевске, арки Моста.

Все это было не раз, и еще будет, и уже воспринимается как данность. Полупустая пока трасса «Таврида»...

И, наконец, заглушен мотор, можно счастливо потянуться, вдохнуть, потягиваясь, такой вкусный воздух, и окунуться в свой Коктебель.

Впереди май.....

Ветер Киммерии

У себя в городе, среди высоких домов, мне остро не хватает киммерийского ветра, который бы щедро делился со мной ароматами соленого моря, горькой полыни и подвяленного винограда в тот короткий промежуток времени, когда ягоды уже созрели, но ещё не убраны деликатными руками рабочих. Виноград уже потерял свою тугую, плотную, гляцевую красоту. Но, сорванная гроздь взрывается во рту медовой сладостью, теплом солнца, свежестью дождевых капель, омывавших ее все лето.

Ветер в Киммерии меняет свой характер, плотность и аромат в зависимости от того, как солнечные лучи расцвечивают шкуру Хамелеоши. Утром он свеж и обещает открытия и приключения, новые витки дороги у подножия гор. Он солон и бодр, ты жадно глотаешь налетающие порывы и никак не можешь надышаться.

К вечеру он наполняется степными ароматами и шепчет тебе на ухо: «Смотри какой закат! Прими поцелуй мадеры, не теряй время. Пока небо раскрашено в розовые тона и бутылка полна, все возможно». И хочется распахнуть руки-крылья, опереться на плечо ветра и взметнуться в небо, пластая толстыми шматами облака у горизонта.

А потом долго сидеть на деревянном пирсе, болтая босыми ногами и ощущая, как ступни щекочут набегающие волны. И глоток за глотком переливать в себя солнце из теплой бутылки, чувствуя, как тепло постепенно растекается по венам, создавая особое настроение.

А когда поднимаешься по каменистым тропкам в небо над Коклюком, тебя встречает ветер, пасущий стада небесных овец на небосклоне. Он свеж и порывист, кристально чист и кружит голову. Усевшись на балюстраде, он будет рассказывать, как вел свое небесное стадо над высокими горами, усыпанными снегом, и морозная свежесть наполнит округу. И как потом они брели над безбрежным океаном, пересекали степи, леса. И под беседкой будет слышен шум могучих волн, набегающих на пустынный берег. С этим шумом придет густой, смоляной аромат сосен, сдобренный сладкими тонами лесных цветов.

Ветер является настоящим хозяином киммерийских земель. Он правит ими с давних времён и решает, кому открыть сюда дорогу, а кому застить глаза. И от его решения зависит, кто увидит настоящий, глубинный Коктебель, а перед чьим взором предстанет заурядный курортный посёлок, без малейшего оттенка волшебства и без единого грана чуда.

Я задыхаюсь в городских джунглях без киммерийского ветра. И жду момента, когда опять смогу вдохнуть его полной грудью.

Ветер странствий

Он загадочный и таинственный.

Он несет с собой ароматы чужих стран, нотки загадочных вкусов.

Он обычно начинает дуть весной, когда мартовские коты вступают на тропу любви. Иногда Он просыпает зимой, и тихо барабанит пальцами по стеклу, сбивая наледь.

Он не знает слова «нет», и не понимает, что такое «невозможно».

Он наивный, и надоедливый, он может бесконечно рассказывать, как гонял ковыль, в степях у Арабатки. Как волны травы скатывались прямо в горящее на закате море. А после того, как Солнце потухло, где то в глубине, окрасив ее в карминные тона, трава в темноте продолжала свой бесконечный бег к морю. И слушать Его никогда не устаешь.

О том, как Солнце встает над Киик-Атлами прямо из морских вод, окрашивая мир в розовый цвет. О том, что сейчас над виноградниками дуют холодные ветры, но скоро! О, как скоро! Виноградники проснутся, выстрелят к небу зелеными листиками, и опять начнется волшебство рождения вина.

Он приносит приветы от далеких друзей и знакомых, от мест прочно вошедших в твою душу, и ставших ее законной частью.

Он может, без конца крутиться вокруг тебя, напевая один и тот же мотив «Пошли со мной! Раскрой свои крылья, ведь небо, так близко.»

Он умудряется в серой ноябрьской срани, передать привет от плюшевых холмов, и раскрасить унылый декабрь без снега, яркими красками.

Когда Он не приходит, я начинаю волноваться.

Ветер Странствий стоит за мои правым плечом, и перебирает изрядно поникшие крылья. И пока Он рассказывает мне на ухо свои истории, полудохлое сердце начинает ритмично качать кровь и попадать в правильный ритм. И начинают зудеть лопатки, они всегда так зудят, когда крылья начинают расти. И байка становится тесной в плечах.

И новая дорога начинается прямо за дверью.

Крылья

Ты живешь ровно и спокойно – дом, работа, иногда пикники и выезды на природу. Практически забываешь, как выглядит небо над твоей головой. Прозрачное и бесконечное, зовущее к себе. Только ты, как правило, этот зов не слышишь. Песнь звезд забивается ритмом музыки и информационным мусором новостей и различных шоу, несущихся из телевизора.

Но однажды, в привычном беге на работу, ты спотыкаешься от смачной оплеухи, которую тебе отвешивает встречный ветер. И, держась за горящую шуку, ты вспоминаешь о том, как когда-то разговаривал с ветром, о том, как обещал ему вырваться на свободу из душной суеты, как клялся расправить крылья, увядшие в повседневной беготне.

И ты сбиваешься с привычного ритма, останавливаешься в толпе несущихся мимо людей и понимаешь, что это протекает мимо твоя жизнь. С дома на работу, с работы в магазин, а потом домой. И, впервые за много дней, ты видишь небо и, подняв руки вверх, здороваешься с ветром, обнимающим кисти твоих рук.

Ты чувствуешь давно забытый зуд у лопаток, когда, как в детстве, режутся крылья и все становится возможным. Ты можешь легко и просто шагнуть в небо, не считая это сном, и облака покорно лягут ковром под ноги.

Поток встречного ветра раздувает выросшие из плеч крылья, и ты поднимаешься все выше и выше, взбивая облака в густую пену. Ощущение свободы болезненно пьянит, далеко внизу под ногами раскрывается панорама моря, а на горизонте обретают тяжесть тени рвущихся к небу гор.

Набегающий поток ветра радостно и бессвязно лопочет, о том, как долго он ждал, когда ты проснешься, распахнешь крылья и поднимешься в небо. И все это время он стучался к тебе в окно, перебирая тебе волосы своими неловкими пальцами. Он приносил ароматы дальних стран, где измученный палящим солнцем виноград медленно и неспешно превращается в вино, преисполненное аромата и огненной сладости. Где к берегу подходят чернобокие дельфины,

уверенно гоняющие кефаль. А ветер поет песню с неразличимыми, но такими понятными словами. И старый Дракон, снисходительно улыбается, глядя на суету у его лап.

Не удержавшись, ты закладываешь крутую петлю, вписываясь в тугой поток ветра, и огибаешь трон с сидящей Королевской четой и троллями, застывшими от удивления. Затем снижаешься так стремительно, что маховые перья твоих крыльев чертят пенную дорожку в соленой воде бухты.

Где-то позади остаются огни поселка, его музыка и сполохи эмоций неизвестных тебе людей, тоже влюблённых и опьянённых красотой окрестных холмов и изгибов драконьей шкуры, нависающей над освещённой набережной.

Ловя поток воздуха, ты планируешь к огоньку костра, который где-то за Хамелеоном разгоняет темноту на несколько уверенных шагов. И, поднимая ударами крыльев искры и угольки, садишься в круг тех, кто готов тебя принять. И знаешь, что если протянуть руку, в ней окажется кружка горячего вина, щедро сдобренного перцем и медом. А позади будут палатки с лежаками, где так хорошо спится под шум волн.

А потом, очнувшись в толпе спешащих людей, ты не хочешь отпустить от себя ощущение неба, аромат горячего вина с примесью дыма, солёный вкус моря и напор ветра, раздувающего твои крылья.

И, впервые за много лет, оценивающе смотришь в небо перед тем как шагнуть в него, оставив позади надоевшую рутину. Мощным ударом пробившихся крыльев разбив границу невозможного.

Танцы со звездами

День начинается с черного как деготь крепкого чая, больше похожего на чифирь. Чтобы согнать сонливость и пробудиться к жизни. А заканчивается он под щелканье клавиш ноутбука уставшими глазами, бесконечным общением с клиентами, написанием текстов. И понедельник ничем не отличается от пятницы, сливаясь в монотонную череду дней.

А в это время высоко над крышами горят звезды...

Вечером, вернувшись с шумной, залитой светом и омытой музыкальным прибоем набережной, нужно заварить кофе, залить его в термос. Хотя и не люблю его, но в данной ситуации это будет более чем уместно. Бросить в рюкзак пару шоколадок, баклажку с водой, да пенку с легким одеялом.

Богиня ночи Нюкта уже набросила на поселок черное, расшитое звездами покрывало, утопив окрестности в темноте. И наступает момент, когда уже пора, подсвечивая себе фонариком, неспешно пойти вверх по бетонным плитам, ведущим на Тепсень.

По мере того, как поднимаешься на плато, и уходишь в его глубину, шум от поселка становится все тише, пока, наконец, полностью не растворяется в шелесте высокой травы, писке ночных птиц, негромком всхрапывании пасущихся лошадей. Старый Дракон – Карадаг практически не виден в темноте, но его присутствие и благодушный интерес ощущаются всем телом.

Из-за облака выглядывает огромная Луна, и серебро начинает течь по каменной шкуре Дракона, поднимая зыбкие тени. В это время оживает Мертвый город, а Король с Королевой усаживаются на трон, принимая свои подданных. Тролли танцуют в тенях, и корчат рожи. Изломанная вершина Сюрю-Кая на фоне звёздного неба выглядит темным трафаретом, вырезанным ножницами великана.

И ты остаешься наедине с бесконечно глубоким черным небом.

Расстелить каремат, забросить под голову рюкзак и откинуться на спину, глядя на бесконечные огни, которыми заполнено небо. Которые здесь настолько близко, что «ты способен дотянуться до звезд, не считая, что это сон».

Звезды над головой, играют в прятки с небесными овцами, которых гонит к морю ветер. Откуда-то из глубины небес срывается звезда, огненным всполохом прочерчивает небо и падает где-то в море, за далеким мысом Киик-Атлама. Кофе в кружке греет ладони и смывает сон, так как пропустить хоть миг из звездного представления на голове категорически не хочется.

Лунное серебро постепенно выцветает, а небо начинает светлеть, и над холмом Кучук-Енишар разгорается зарево. Ночное представление заканчивается, и кофе уже выпит. Осталось сходить искупаться у подножия Карадага, пока там никого нет. Улыбнуться вставшему Солнцу и пойти отсыпаться.

Утро в Тихой бухте

Каждый сезон наступает день, когда людской поток просто переполняет Коктебель. Поселок становится невыносимо шумным, грязным, а его волшебство грустно растворяется в сумерках. Днем море наполнено горячими телами, как хороший суп клецками. И речки-говнотечки бодро несут в этот суп свое ароматное содержимое. Купаться на поселковых пляжах становится решительно невозможно, да и просто опасно. Даже Тихая бухта уже не соответствует своему имени, днем там многолюдно, как в поселке.

И однажды ты не выдержишь, встаешь еще затемно. Бросаешь в рюкзак двухлитровую бутылку воды, пить после долгой прогулки и купания всегда хочется, пару бутербродов, кофе, спиртовую горелку, банку сгущенки. Будишь Лучшую из женщин, и вот вы уже бодро шагаете по еще темной и прохладной улице Ленина. Вскоре ваши шаги уже разносятся гулким эхом по бывшему парку дома творчества писателей, распугивая местных призраков и стаи кошек.

На набережной еще работает бар, и серый от усталости бармен, натянуто улыбаясь шумной кампании, сгрудившейся у стойки, разливает по бокалам пиво.

За вашими спинами постепенно остаются памятник Волошину, пансионат «Голубой залив», пустая в это время Татарская набережная или просто Татарка, ступени горбатого мостика через мутный ручеек с красивым названием Арматлук. Но вам надо дальше, еще дальше.

Через зеленку и палаточный лагерь, вверх по осыпающемуся склону. На плато, что зависло над морем, перевести дух, оглянуться на пока ещё спящий поселок и миновать пограничный пост, стоящий на этом плато с незапамятных времен.

Дождей давно не было, земля высохла в камень, и звенит под ногами. Трава выгорела под жарким солнцем, отчего окрестные холмы уже натянули желтые шкуры.

В Тихой бухте сонно и умиротворенно, толпы отдыхающих появятся позже, а палаточники еще спят. Небо над горой Кучук-Енишар на глазах наливается рыжим светом, но вы

успели. Осталось лишь сбежать по откосу к пляжу, сбросить шорты с майками и остановиться у линии прибоя, любясь тем, как под лучами встающего за спиной солнца море играет оттенками синего цвета. А мыс Хамелеон, шут и паяц, младший брат Старого дракона – Карадага, начинает в первый раз за день менять оттенок своей шкуры.

Никому не придти сюда дважды,
Кто пришел – навсегда остается.
Умереть, но увидеть однажды
Восходящее в сумерках Солнце.

Разбежаться, разбивая зеркало бухты в мелкие осколки, и ухнуть в пузырящуюся прохладу. Отплыть подальше от берега, а здесь мелко, глотнуть воздуха и, нырнув, зависнуть у дна в абсолютной тишине и покое, распугивая серебряную кефаль, и бегающих по песчаному дну крабов. А когда воздух в легких закончится, вынырнуть назад, прямо в солнце.

Выбраться на берег и, пока лучшая из женщин кутается в полотенце, бросить в горелку пару таблеток сухого топлива, а затем водрузить на этот синий беспомощный огонек старую, исчерченную царпинами и покрытую копотью алюминиевую кружку. Дождаться пока кофе закипит, разлить по кружкам, щедро добавить сгушенки.

А потом, сидя вдвоем на полотенце, пить кофе с бутербродами, глядя на то, как розовеет Карадаг, своей огромной тушей выступающий из-за Хамелеона.

Потом будет еще одно купание «на посошок», неспешный обратный путь в поселок, завтрак у Мустафы, и автостанция, которая открывает ворота во Вселенную Крыма.

А пока рассвет, тишина и парящий кофе.

Опук

Есть одно из немногочисленных мест, свободных от толп народа, криков «пахлава медо-вая», и разумеется запахов речек вонючек.

Там всегда с утра дует сильный ветер, и палатку нужно крепить особо надежно. Зато просыпаться можно под его пение, под звуки гудящих растяжек. И какое-то время слушать, как ветер играет тентом палатки.

А потом поставив на газовую плитку чайник, сонно жмурится на восходящее солнце, под его жизнерадостное шипение и бульканье.

Для того чтобы вдосталь искупаться, там не нужна одежда, и море ощущается совершенно иным. А солнечные лучи пробивают чистойшую воду до дна, даже на глубине. И ныряя с маской можно играть с солнечными лучами у дна, на глазах удивленной рыбы.

Рано утром, к пляжу дельфины пригоняют стаю кефали, и учат молодняк как на нее охотится. Буквально в 2-х метрах от берега уже глубоко. И можно сесть с кружкой кофе и наблюдать за грациозными животными. А при наличии удочки можно выдернуть кефальку другую, на завтрак.

Утром солнце встает прямо из моря, а на закате, небо в розовый цвет красит фантастических оттенков озеро. Вдоль которого можно бесконечно гулять, ощущая окружающий мир, где на десятки километров нет людей, только ты и прекрасный живой мир.

А весной, унылая высохшая степь покрывается шикарным ковром желтых и красных маков, а ароматы который напоен воздух кружат голову, как вино. И больше всего хочется, взять пенку, забраться в самую гущу, и залечь там на часик другой. Глядя на высоченное, бесконечной небо, по которому бегут небесные овцы по своим делам, а на голове удивленно кивают маки. И этом никогда не надоедает.

Туда сложно добраться на машине, и еще сложнее выбраться. Это место просто так не отпускает, оно мгновенно прорастает в душу, а потом, уже дома, приходит по ночам. И утром хочется бросить все, сесть в машину и рвануть на юг, чтобы снять тоску. И опять увидеть, как солнце встает из моря, почувствовать по-настоящему окружающий мир, и задохнуться от счастья.

Там, как правило, не бывает людей, за исключением опытных бродяг туристов. Которые приходят, разбивают лагерь, а потом уходя, оставляют пляж в первозданном виде.

А в горизонт уходят проклятые окаменевшие корабли, вечно пытаются уплыть, но не могут.

Это Опук, одно из лучших мест в Крыму, чтобы осознать себя, прочистит мозги, и понять свое место во Вселенной.

Каралары

В переполненном туристами летнем Крыму, особенно на Южном берегу, сложно найти свободное место под палатку, уж не говоря о том, чтобы по пути к пляжу не споткнуться о чужие ноги. Там сложно говорить о вечном, а бал там правят совершенно другие вещи, которые «от мира сего».

Но остались, к огромному счастью, места, где вечность ещё можно ощутить.

Там солнце встает рано утром в степи, окрашивая розовым рассветный туман. А вечером падает в море, на короткое время делая его поверхность ослепительно багряной. А завалившись за горизонт, долго светит ещё и оттуда, делая окружающий мир зыбким и потусторонним.

Там в источниках вода чуть солоновата, а местные дриады совершенно не похожи на своих сестер с Южного берега. Они смуглые, раскосые, диковатые. Но если с ними подружиться, оставив у родника кусок лепешки, то вода становится слаще.

Чай из таких источников особо вкусен со степными травами. Ни до, ни после мне не приходилось такой пить. Он дикий, настоящий, и слегка горчит, оставляя терпкий вкус на языке.

Там каменные бабы веками смотрят в степь, и на их лицах видно течение времени. И рядом с ними ощущаешь себя мотыльком однодневкой.

Там стоит отойти от дороги на 500 метров, и цивилизация исчезает. За холмом прячется машина, телефон не ловит, и особо острым становится ощущение, что вот-вот из-за холма взметнется татарская конница, разгоняющая степную тишину криком «урррр-урррр-урхааааа».

Там ковыль идет волнами до горизонта и чуть слышно поет свою песню, стоит лишь остановиться и замереть, чтобы ее услышать.

Там можно ночью смотреть в настоящее, неиспорченное электрическим светом небо. И узнать, что такое вечность.

Там бычки клюют буквально на пустой крючок, чтобы потом превратиться в сладкую уху. Что интересно, вкус ухи из бычков радикально отличается от вкуса ухи из барабульки либо кефали. В пользу бычков.

Там множество уединенных бухт, переночевав в которых можно найти, а чаще всего потерять себя. И потом будет бесконечно тянуть в эти пустые края, на поиски своей души.

На диких пляжах абсолютно не нужна одежда, и без нее море обнимает тебя совершенно по-другому.

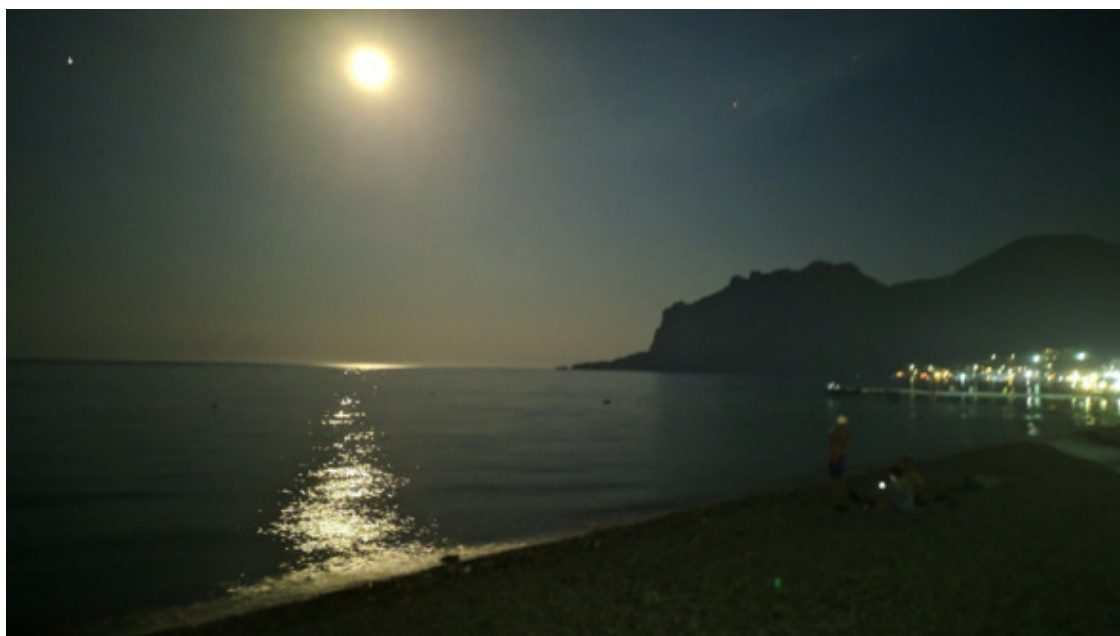
Это Караларский заповедник, в который я когда-нибудь вернусь снова. Чтобы понять, насколько велика Вселенная Крыма, ощутить себя ее неотъемлемой частицей. И вновь найти себя.

Лунная дорога

Раз в месяц наступает удивительное время, когда Волчье солнышко наливается силой, и щедро заливает серебром ночной мир. Этот свет разгоняет табуны небесных овец, подпаливая им шерсть на боках. И ложится неровными мазками на землю, иногда теряясь в глазах тех, кто хочет странного.

И ночью порою не спит в уютном тепле, а сидит у стреляющего в него искрами костра, и настойчиво зовет к себе чудо. И в один миг, в их глазах разгорается сияние ихора, а тени подступившие к костру обретают объем и плоть.

Привычный и исхоженный лес и красные скалы, становятся гулкими и таинственными, от оврага начинает тянуть туман, быстро заволакивая округу рваными клочьями. Только привычные звезды, мерцающие в разрывах небесного стада, напоминают, что окружающий мир никуда не исчез. Он просто сделал шаг назад, оставляя небольшой пятючок, освещенный и согретый теплом костра, в туманном ничто.

Засыпать пригоршню чая в исходящий паром котелок, выбить трубку о землю. Нож беззвучно покидает ножны, на секунду вспыхивая в отсветах костра. На секунду клинок целует запястье, окрашиваясь кармином, на аромат которого жадно подаются вперед тени из тумана. Взметнувшись вверх, в салюте Луне, нож входит в заранее выбранный пенек, подрагивая от ярости.

Разбежаться и кувырком перелететь через пень с торчащим в нем ножом. И упасть, чутко прядая остроконечными ушами на свои сильные, серые лапы. Низкое, угрожающее горловое рычание заставляет тени отпрянуть дальше в туман. Спустя миг торжествующий вой влетает к Волчьему солнышку, заявляя о своем праве на эту ночь и этот лес.

Вкусный, богатый ароматами, о которых люди и близко не подозревают, ночной воздух врывается в легкие. Чуткий нос читает историю леса, за оврагом застыл в ужасе заяц, почувствовавший пришедшего в лес хищника. Олень, стремительным махом уходит в глубину леса, подальше от поляны. Из-за дороги доносится волчий вой, предупреждающий чужака, о том, что этот лес чужой, и здесь есть хозяева.

Сильное тело стелется над землей, по следу добычи горящему в ночи. Уже слышен треск ветвей, которые олень в панике сбивает своим телом, мчась не разбирая дороги.

Длинный прыжок, и зубы смыкаются на шее добычи, и мясо, пока еще живое падает в агонии на землю. Рот наполняет сладко соленая кровь....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.